

БОБРОВ В. А. | ВЛАСОВА М. С. | МАЛЯВИНА (РУБЭК) А. С.

ДЕРЗКИЙ РЕПЕТИТОР ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Для тех, кто хочет
говорить и писать
правильно

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

TEXT UP. Копирайтинг нового уровня

Анастасия Малявина (Рубэк)

**Дерзкий репетитор по русскому
языку. Для тех, кто хочет
говорить и писать правильно**

«ЭКСМО»

2023

УДК 811.161.1(07)

ББК 81.2Рус-9

Малявина (Рубэк) А. С.

Дерзкий репетитор по русскому языку. Для тех, кто хочет говорить и писать правильно / А. С. Малявина (Рубэк) — «Эксмо», 2023 — (TEXT UP. Копирайтинг нового уровня)

ISBN 978-5-04-185386-0

Сегодня пишут все. Маркетологи, IT-специалисты, врачи, повара. Мы оставляем отзывы, ведём деловую переписку, общаемся в соцсетях. И писать нужно просто, понятно и грамотно. Но у кого сейчас есть время лезть в толстые учебники и вспоминать сложные правила, изобилующие терминами? Эта книга — отличное средство вспомнить «давно забытое» и подкачать грамотность. Никакого сложного академического языка и лингвистических изощрений — наоборот, в ней много забавных (а не наскучивших из рассказов Пришвина!) примеров, шуток и авторских иллюстраций, благодаря которым читать становится по-настоящему интересно. Вы узнаете: • как стать пиратом дефисного моря; • как избавиться от слов-паразитов; • зачем цыган на цыпочках цыплёнку цыкает; • как кофе обрёл мужественность и многое другое! В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 811.161.1(07)

ББК 81.2Рус-9

ISBN 978-5-04-185386-0

© Малявина (Рубэк) А. С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Введение	6
Зачем тебе читать эту книгу	6
Что тебя в ней ждёт	7
Из каких частей она состоит	9
Кто мы такие, чтобы тебя учить	10
Пара слов про навигацию – и начинаем	11
Часть 1	12
Предисловие от Марины	12
Русский язык умирает?	13
Иностранные слова действительно засоряют язык?	18
Кто придумывает правила русского языка?	38
Откуда берутся исключения и почему их так много	41
Почему мы пишем ЖИ-ШИ с буквой И	41
Зачем цыган на цыпочках цыплёнку цыкает «Цыц!»	41
Откуда взялись исключения для спряжения глаголов	42
Почему буква Ё так и не прижилась в русском языке?	43
В словарях сплошные ошибки! Кому верить?	45
Может, вы ещё феминитивы оправдаете?	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дерзкий репетитор по русскому языку. Для тех, кто хочет говорить и писать правильно

© Текст и иллюстрации. В. Бобров, М. Власова, А. Малявина (Рубэк)

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

Зачем тебе читать эту книгу

В XXI веке пишут люди всех профессий: от маркетологов и IT-специалистов до врачей и поваров. Мы ведём деловую переписку по почте и оставляем отзывы о купленных товарах, заводим блоги и развиваем профили в соцсетях. Не писать совсем в наши дни почти невозможно. А писать желательно просто, внятно и грамотно. Ведь провожают по уму и содержанию, а встречают, как известно, по одежке и хорошему слогу.

Но подтянуть грамотность, когда ты взрослый, не так-то просто. Читать объёмные академические труды – невыносимо скучно и сложно. Гуглить по одному правилу за раз – непродуктивно, к тому же часто непонятно, какое правило искать.

Авторы этой книги работают в контент-агентстве Monk. Чтобы подтянуть грамотность среди сотрудников, мы создали проект «Дерзкий репетитор». Сначала запустили email-рассылку, а потом аккаунты в соцсетях и канал в Дзене. Было ясно, что заумные правила и скучные примеры из рассказов Пришвина не зайдут. Поэтому мы оставили только те правила, которые часто требуются в современной жизни. Объясняли их простым языком без лингвистических терминов – чтобы поняли даже те, кто почти забыл всё, что учил в школе. Добавили весёлые примеры и шутки – чтобы объяснения были нагляднее и проще запоминались. И разбавили тексты авторскими иллюстрациями – чтобы нескучно было читать.

При написании этой книги мы руководствовались теми же соображениями. Собрали под одной обложкой главные языковые сложности, с которыми сталкиваемся каждый день, и попытались объяснить всё просто и увлекательно. Ты можешь читать нашу книгу как лингвистический детектив перед сном и при этом будешь усваивать правила и повышать грамотность.

Что тебя в ней ждёт

Мы поможем вспомнить (или даже выучить с нуля) основные правила, которые помогут грамотно писать. Все они применимы в современных текстах: деловой переписке, постах для соцсетей, статьях в блоге и т. д. После прочтения этой книги ты сможешь увереннее формулировать мысли и перестанешь допускать ошибки. В том числе те, которые раньше даже не замечал.

«Дерзкий репетитор» держится на трёх китах.

Кит 1. Правила, которые можно применить на практике

Нет

Да

Пунктуационное и графическое оформление текста в пьесах.

Какие знаки препинания ставить, когда хочешь кого-то процитировать.

Кит 2. Простые формулировки

Нет

Да

Переходные глаголы следует спрягать по II спряжению, а непереходные — по I спряжению. Данные функции инфинитива сохраняются и в формах прошедшего времени:

колонизаторы обезлюдили страну (действие направлено на субъект);

страна обезлюдела после вторжения колонизаторов (объект и субъект — одно и то же действующее лицо).

Если что-то происходит с кем-то — пиши Е. Если кто-то делает что-то с другими — пиши И.

Капибара съела огромный арбуз и обессирила — сама лишилась силы.

Огромный арбуз обессирил капибару — лишил силы наше любимое животное.

Кит 3. Понятные современные примеры

Нет

Да

Вася приехал на мельницу из-за поджОга стогов. Вася с председателем пытались выяснить, кто поджЁг стога.

шОмпол, шОрник, жОх, жОм, джОнка — что это вообще за слова такие?

Вася ожЁг руку горячим кофе и получил сильный ожОг.

обжОра, шОв, шОрох — а вот эти слова мы часто употребляем, их имеет смысл запомнить.

А ещё в нашей книге много шуток и авторских иллюстраций. Мы искренне убеждены: цепляет внимание и остаётся в памяти только то, что затрагивает эмоционально. Поэтому в книге есть самоироничные истории, отсылки к массовой культуре и стишки для лучшего запоминания правил.

Из каких частей она состоит

В первой части мы разберём все стыдные вопросы о русском языке. Поговорим про феминитивы, заимствования и другие тенденции в языке и культуре общения. Да, знаем – споры на эти темы доносятся из каждого утюга. Но обычно дискуссии сводятся к субъективным оценкам и стилистическим предпочтениям спорщиков. Мы же разбираем эти вопросы с точки зрения развития языка.

Обсудим, грозят ли нововведения и заимствования великости и могучести русского языка (спойлер: нет). И попробуем сделать прогноз: какие тренды закрепятся в нашей речи надолго, а какие забудутся через пару лет.

Этот раздел будет интересен и тем, кто что-то слышал про засорение языка и засилье иностранных слов, но до сих пор не понял, как к этому относиться. И тем, кто просто любит читать захватывающие истории и узнавать новое о привычных вещах. Мы разберём аргументы разных сторон и позволим тебе самостоятельно сделать выводы.

Во второй части поговорим про стилистические ошибки: штампы, слова-паразиты, несогласованные тяжеловесные фразы и прочих всадников Безграмотности. Разберём только те примеры, которые могут встретиться в повседневном общении.

В третьей части поговорим о трудностях орфографии. От суффиксов – Н- и – НН- до принципов слитного и раздельного написания НЕ- с разными частями речи.

Отдельные главы мы создавали только для тех частей речи, с которыми много сложностей. Поэтому в книге нет отдельной главы, например, для местоимений. С ними почти не возникает трудностей, так зачем нам утомлять тебя теорией?

Мы постарались сформулировать все правила максимально чётко и понятно, а сложные закономерности и исключения, которые нужно запомнить, собрали в удобные таблички. С их помощью легко за пару секунд вспомнить правило и разрешить спорные моменты.

Когда мы сами пользуемся справочниками, нам часто сложно с ходу сообразить, в каком разделе искать то или иное правило. Чтобы сориентироваться по оглавлению, нужно вспомнить кучу теории. Например, ты хочешь вспомнить, когда писать *чтобы*, а когда – *что бы*. Открываешь оглавление и не понимаешь, в какой раздел идти: союзы, частицы, предлоги, местоимения? А тут ещё какая-то категория состояния, чёрт ногу сломит...

Чтобы не пришлось перелистывать половину книги, мы вынесли частые трудности в названия глав и объединили все служебные части речи в один раздел. Ты сможешь понять по названиям, о чём пойдёт речь в каждой главе.

Нет

Слитное и раздельное написание союзов

Правописание гласных в корне после шипящих

Да

ЧТОБЫ и ЧТО БЫ: учимся различать союзы и местоимения с частицами

Мажорный щёголь: О и Ё в корне после шипящих

В четвёртой части разберёмся с пунктуацией: где нужны запятые, а где нет. Когда ставить тире, а когда дефис. Какие кавычки в какой ситуации выбрать. Напоследок обсудим, что такое авторская пунктуация и чем она отличается от безграмотности.

Кто мы такие, чтобы тебя учить

Эту книгу написали одноклассники, а теперь и коллеги – Марина Власова и Виктор Бобров. По образованию мы журналисты, а по жизни – редакторы в контент-агентстве.

Каждый день в своих статьях мы объясняем сложное простыми словами. Пишем о финансах, маркетинге, бизнес-процессах и на другие специфические темы так, чтобы понимали даже новички.

Вместе с командой Monk мы запустили «Курс для начинающих копирайтеров», а затем – курс про форматы коммерческих текстов. В нём на примере сказок учим писать посты, статьи, письма и тексты других форматов.

Все годы, что пишем тексты, мы выясняем свои отношения с русским языком. Пытаемся разобраться, как он меняется и как быть грамотными людьми в XXI веке. А главное – изучаем сложные правила и пытаемся сформулировать их для себя как можно нагляднее, чтобы легче было запомнить и писать без ошибок.

Эта книга – сборник наших открытий. Мы не профессиональные лингвисты, поэтому не уходили в филологические дебри. Изучали именно те вопросы, которые возникают у нас как у носителей языка. Надеемся, тут ты найдёшь ответы и на свои вопросы.

Все картинки с капибарами (и не только с ними) рисовала наш иллюстратор Настя Малявина.

Вот и познакомились. Переворачивай страницу, идём с нами в светлое грамотное будущее.

Пара слов про навигацию – и начинаем

В нашей книге есть несколько условных обозначений, без которых было бы сложно ориентироваться.

Проверь себя

Вот этот изящный силуэт капибары предупреждает, что сейчас будет упражнение на проверку знаний. С его помощью ты убедишься, что усвоил правило. Верные ответы – в конце книги.

Клинок обозначает исключения. Если сомневаешься в слове-исключении, не нужно перечитывать параграф целиком: сразу ищи клинок.

Такую линию с листочками мы используем во время лирических отступлений. Когда рассказываем занимательную историю, перед тем как напугать сложным правилом.

А ещё в книге есть QR-коды. Перейдя по ним, ты найдёшь то, что мы не смогли опубликовать: полноцветные иллюстрации, образовательные видео, первоисточники шуток.

Ну всё, можем начинать.

Часть 1

Стыдные вопросы о русском языке

Предисловие от Марины

Когда я работала в СМИ, наши читатели постоянно жаловались, что русский язык умирает, а мы, журналисты, своими вольными формулировками совсем его добиваем. В редакцию приходили гневные письма, под статьями множились не менее гневные комментарии, а в соц-сетях могла начаться целая потасовка из-за спора, где нужно открывать новую поликлинику: *в Сасово* или *в Сасове*.

Наших читателей волновало всё: иностранные заимствования, сленг, жаргон, двойные нормы, меняющиеся правила и, конечно же, феминитивы.

Интуитивно я понимала, что русский язык не умирает и защищать его ни от кого не нужно, но аргументов у меня не было. Тогда я начала изучать, как устроен язык, как он развивается, что для него действительно опасно, а что в порядке вещей. Эта глава состоит из ответов на вопросы, которые задавали наши читатели и которыми я задавалась сама. Надеюсь, она поможет тебе раз и навсегда разобраться со спорными моментами в языке и полюбить его ещё сильнее.

Русский язык умирает?

Наверняка тебе хоть раз приходилось слышать, что люди в нашей стране совсем перестали говорить на русском языке. Общаются на дикой смеси сленга и англицизмов, разучились грамотно писать и скоро вообще двух слов связать не смогут – в их речи останутся одни слова-паразиты да стикеры.

Всё это неправда. В этом параграфе будем разбираться, почему язык не умирает, а наоборот, всё ещё, цитируя Корнея Чуковского, живой как жизнь.

Люди, которые требуют защитить русский язык и очистить его от нездоровых новообразований, чаще всего ссылаются на четырёх врагов. Знакомьтесь:

- вездесущие англицизмы, наводнившие нашу речь;
- слишком стговорчивые учёные, которые без конца реформируют правила и признают речевые ошибки нормой;
- журналисты и блогеры, которые ленятся проверять свою речь на наличие ошибок и несут в массы безграмотные монологи;
- соцсети, которые избаловали нас эмодзи, стикерами, голосовыми сообщениями и ещё чёрт знает чем, – миллион возможностей избежать хорошей литературной речи!

У каждого всадника Безграмотности свои особенности, но между ними есть кое-что общее: они **меняют** язык. Не убивают, а именно меняют.

То есть страх ревностных защитников языка – это страх перед изменениями.

И не надо ничего менять, пусть остаётся красивый литературный язык!

Важно помнить, что язык – это не музейный экспонат, а инструмент, который помогает нам лучше понимать друг друга. Музейный экспонат ценен сам по себе, а язык – тем, что

упрощает жизнь. Поэтому он непрерывно меняется, впитывает новую лексику, отказывается от старой и в каждый момент отражает свою эпоху. Ни больше ни меньше.

Проведём бытовую аналогию. В XIX веке в поместьях вешали изящные бронзовые люстры, обрамлённые ковкой с вензелями. Сейчас мы всё чаще выбираем для своих домов минималистичные светильники с энергосберегающими лампочками. Но почему-то никто (ну ладно, почти никто) не бьёт тревогу и не призывает защищать осветительные приборы от новомодных веяний. Мы спокойно относимся к переменам в быту, потому что понимаем: новая эпоха и новые обстоятельства требуют новых решений. Так же и с языком.

Мы можем повесить под потолком квартиры в новостройке помпезную люстру, а потом пойти писать другу письмо слогом Пушкина. Вот только зачем? Язык Пушкина не отражает нашу эпоху. В нём нет многих привычных для нас слов, полно архаизмов, а некоторые обороты такие заковыристые, что нужно перечитать текст несколько раз, чтобы уловить смысл. Если мы будем писать языком Пушкина, то провалим главную задачу: наглядно и точно передать собеседнику смысл.

Ну ладно, пусть не Пушкин. Но хотя бы не надо коверкать слова!

Старики почти всегда воображали (и воображают сейчас), будто их дети и внуки (особенно внуки) уродуют правильную русскую речь.

Я легко могу представить себе того седоволосого старца, который в 1803 или 1805 году гневно застучал кулаком по столу, когда его внуки стали толковать между собой о развитии ума и характера.

– Откуда вы взяли это несносное развитие ума? Нужно говорить прозябение.

Стоило, например, молодому человеку сказать в разговоре, что сейчас ему надо пойти, ну, хотя бы к сапожнику, и старики сердито кричали ему:

– Не надо, а надобно! Зачем ты коверкаешь русский язык?

Это Корней Чуковский писал в 1962 году в книге «Живой как жизнь». А звучит так, будто кто-то из наших современников сказал, правда? Споры о чистоте языка – вечный двигатель нашей культуры.

То, что кажется нам коверканием, на самом деле может быть закономерной тенденцией. Но новое и непривычное вызывает отторжение. Больше того, многие слова, которые сейчас мы считаем литературной нормой, в своё время были исковерканы современниками и вызывали в обществе возмущение.

Например, в 1960-е безграмотным и вульгарным считалось слово *переживать* в значении «нервничать, волноваться». *Переживать горе или стресс* – приемлемо, а просто *переживать* – грубый мещанский сленг.

Сейчас похожие общественные возмущения переживает глагол *преисполниться*. Языковая норма говорит, что к нему обязательно нужно добавлять зависимое слово: *преисполниться решимости* или *преисполниться благодати*. Но в соцсетях люди всё чаще преисполняются без всяких зависимостей. Фраза *я в своём познании преисполнился* – это не просто отсылка к попу-

лярному мему, но уже и самостоятельный фразеологизм. Если он преодолеет границы сленга и станет общеупотребительным, его ждёт судьба глагола *переживать*.

<https://www.youtube.com/watch?v=50nlHgRYp1I>

В довоенные годы не меньшей грубостью считалось сокращение *метрополитена* до *метро*. А сейчас это слово несколько нас не коробит.

В сокращениях *комп*, *ноут* и *норм* тоже нет ничего страшного. Их частое употребление не означает, что мы забудем слова *компьютер*, *ноутбук* и *нормально*. Просто, вероятно, станем употреблять полные формы реже. Язык из-за этого не обеднеет и не испортится. Так работает закон речевой экономии: мы всегда стремимся говорить и писать короче и проще.

Язык эволюционирует веками: в алфавите становится меньше букв, слова сокращаются, правила пунктуации упрощаются. Например, в церковнославянской азбуке было около 40 букв, и некоторые существовали в разных вариантах написания. А в древнерусском языке было четыре формы одного только прошедшего времени.

Нет ли у ревнителей русской словесности желания вернуть эти славные времена? Надеемся, что нет.

Упрощение – это не уникальная традиция русского языка, такое со временем происходит во всех культурах, со всеми языками. Например в английском.

Мы любим английский язык за то, что в нём мало окончаний и меньше согласований, чем в русском. Достаточно расставить слова в правильном порядке – и готово.

В древнеанглийском было наоборот. Имели место сложная морфология и много склонений и окончаний, зато слова в предложении можно было расставлять в произвольном порядке. В этом плане он был ближе к современному русскому.

Ну например. Если мы поменяем порядок слов в современном английском, смысл фразы изменится: *Marina stroked the capybara* (Марина погладила капибару), *The capybara stroked Marina* (капибара погладила Марину).

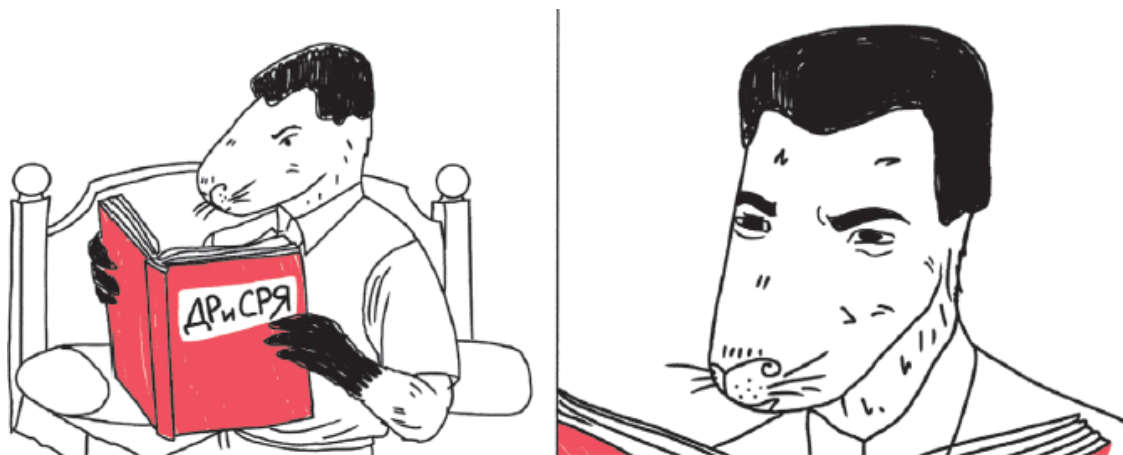
А на русском мы можем сказать *Марина погладила капибару* и *Капибару погладила Марина*. Благодаря окончаниям смысл фразы сохраняется. В древнеанглийском было так же.

Получается, язык веками становится всё проще и проще и скоро мы придём к новоязу?!

Нет, этот страх точно можно отбросить.

Новояз – это вымышленный язык из романа-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». По сюжету партия сократила словарь, ликвидировала смысловые оттенки и ввела гору аббревиатур. Из-за этого люди могли выражать не все свои мысли и чувства, а только те, которые не противоречили политике партии. Оттенков смысла стало меньше, а аббревиатуры укоротили фразы, но совсем не упростили – их пришлось заучивать.

Так могла бы называться наша книга на новоязе

Когда язык упрощается естественным путём, нам, наоборот, становится легче выражать мысли и понимать друг друга. Новое слово или фраза не станут нормой до тех пор, пока большинство не начнёт их понимать.

Человек, который не хочет, чтобы язык менялся, ведёт себя как родитель, мечтающий, чтобы ребёнок не вырос и всегда оставался улыбчивой румяной трёхлеткой. Нам свойственно ностальгировать по периодам в жизни, когда было особенно хорошо и приятно, но мир так не работает и многие вещи происходят сами собой. Как нельзя запретить ребёнку расти, так нельзя запретить языку меняться. Ни с помощью законодательных запретов, ни с помощью народной граммар-полиции, которая высмеивает за ошибки в интернете.

Иностранные слова действительно засоряют язык?

Если не остановить поток иностранных слов, скоро мы все будем говорить по-английски?!

Не будем. Перенимая иностранные слова, мы внедряем их в свой язык и как бы обрабатываем их. Они встраиваются в наш синтаксис, обрastaют суффиксами, начинают склоняться и со временем ассимилируются настолько, что мы перестаём распознавать в них эмигрантов.

Многие слова, которые кажутся нам родными, в своё время были заимствованы. Например, *кукла*, *кровать* и *сахар* – из греческого. *Акула*, *кну́т* и *ябеда* – из скандинавских. *Деньги* и *халат* – из тюркских. И даже родной *хлеб* берёт начало где-то в германских языках.

Важно отметить, что заимствования не лезут в чужой язык со своим уставом, а как бы получают в новом языке второе гражданство и начинают жить по его законам. Взаимный обмен лексикой – естественный процесс для народов, которые живут рядом и тесно общаются.

Единственный способ оградить язык от заимствований – прекратить все международные отношения.

Одно дело – заимствовать пару новых слов, и совсем другое – жадно тащить в язык все термины подряд!

Мы действительно неравномерно заимствуем слова. И всегда периоды эмиграции иностранных слов в русский язык связаны с историческими событиями.

Больше всего слов русский язык перенимал во время культурных, социальных и научно-технических реформ и революций: переселение, принятие христианства, монголо-татарское нашествие, петровские реформы, революции XX века, распад Советского Союза. Мы тоже живём в исторические времена, и незаметно для языка они не пройдут.

Чтобы не быть голословными, мы составили небольшую таблицу. Она очень общая и включает лишь основные вехи, не суди нас строго.

Какие языки повлияли на русский	Как так вышло	Что это за слова
Финно-угорские	В VI веке славяне начали заселять северные земли, входили в контакт с местными, и так они оказывали друг на друга влияние.	Слова, связанные с бытом и сельским хозяйством: названия рыб, животных, одежды.
Шведский, норвежский	Варяги сильно повлияли на формирование Древнерусского государства.	Слова, связанные с торговлей, мореходством и социальным статусом, имена.
Греческий	После принятия христианства культура Древней Руси развивалась под влиянием Византии.	Слова, связанные с религией, наукой, просвещением и искусством, а также бытовые термины (благодаря развитию торговли).
Тюркские	С XI века Русь бурно выясняла отношения с булгарами, половцами, печенегами, Золотой Ордой. И всё это время активно заимствовала их лексику.	Бытовые предметы и явления: названия блюд, одежд, орудий труда.
Церковнославянский, старославянский	Изначально были языком богослужебных книг, летописей, со временем смешались с разговорной речью и обогатили её новыми словами.	В основном отвлечённые понятия: <i>бог, грех, жертва, блуд.</i>

Польский	Черета войн и дипломатических переговоров с Польшей не прекращалась с X века. Менялись названия государств, сферы влияния и лексический состав двух языков.	Бытовые, военные, административные термины.
Немецкий голландский, английский	Пётр I проводит реформы опираясь на опыт европейских стран. Вместе с новыми реалиями в Российскую империю пришли и термины, которые эти реалии описывали.	Военные и ремесленные термины, новые понятия в науке, технике, искусстве, судоходстве, государственном управлении.
Французский	Активные политические и общественные связи с Францией в XVIII–XIX веках привели к тому, что французский стал официальным языком аристократов. Его знали лучше, чем русский.	Названия одежды, еды, предметов быта, видов спорта, оружия.

Французский, английский, немецкий	В России развивался капитализм, зарождалось революционное движение. Они обогатили лексику европейскими терминами из актуальных политических и социально-экономических теорий и учений.	Политическая и военная лексика: <i>буржуазия, митинг, террор.</i>
Английский	После распада Советского Союза активизировалась международная торговля, наука, культурные связи, туризм. Английский, как язык международного общения, принёс в нашу жизнь больше всего новых терминов.	Компьютерная лексика, экономические и финансовые термины.

А ещё через европейские языки мы освоили латынь, через тюркские – арабизмы, всех концов не ухватить. Но наша цель не в этом. Мы просто хотели показать, сколько всего намешано в русском языке.

В действительности в разные эпохи русский язык заимствовал гораздо больше слов, чем до нас дошло. Лексика обтёсывалась о быт, проходила проверку временем. Часть слов не закрепились, часть продержалась несколько веков, а некоторые мы используем до сих пор. Поэтому не стоит думать, что все нынешние англицизмы пришли в русский язык навсегда и в полном объёме.

Сейчас происходит переваривание языком новой лексики. Можно только гадать, что он усвоит, а что выплюнет, но наблюдать за процессом чертовски интересно.

Зачем заимствовать, нельзя свои слова придумать, что ли?

Можно, но это не всегда рационально. Чтобы проверить, реально ли остановить поток заимствований, нам даже не нужно ставить эксперимент. Достаточно обратиться к истории.

В начале XIX века, когда аристократические умы были увлечены галломанией настолько, что знали французский язык лучше русского, общество раскололось на две части. Интеллектуалы вели споры о заимствованиях во многих сферах: в моде, искусстве, этикете и языке. В историю этот период вошёл как спор шишковистов с карамзинистами.

Шишковисты, сторонники министра народного просвещения Александра Шишкова, считали, что нужно ориентироваться на народное творчество, церковнославянскую книжность и народные просторечия. Если уж в жизни и появляются новые предметы и явления, то названия для них нужно придумывать по славянским моделям, а не перенимать иностранные. Например, не *попугай*, а *переклитка*; не *пара*, а *двоица*; не *колонна*, а *толпник*.

Карамзинисты, последователи историка и поэта Николая Карамзина, считали, что нельзя изменить язык искусственно, что он всегда развивается вслед за общественно-политическими и культурными событиями. С кем воюем – с тем военной лексикой меняемся. От кого про современное искусство узнаём – тот нас культурными терминами снабжает.

Вот что писал об этом сам Карамзин:

Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевлённые слова входят

в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого учёного законодательства с нашей стороны: мы не даём, а принимаем их.

Кто победил в споре карамзинистов и шишковистов, ты и так знаешь. А если сомневаешься, ответь на вопрос. Что ты видишь на картинке ниже: двух попугаев или двоицу пере-клиток?

Мораль этой истории не в том, что заимствования всегда побеждают. А в том, что искусственно придуманные слова всегда проигрывают. Эту мысль хорошо иллюстрирует распространённый в XIX веке анекдот: пародийная фраза, написанная на «шишковском» языке:

Хорошилище грядет из ристалища на позорище по гульбищу в мокроступах и с растопырккой.

Эта фраза образована от исконно русских или очень давно заимствованных корней, но современники без расшифровки понимали её не лучше нас. Вот что она означала:

Франт идёт из цирка в театр по бульвару в галошах и с зонтиком.

Эта фраза почти целиком состоит из французских заимствований и всё же была понятна современникам.

Адмирал Шишков и правда предлагал назвать калоши мокроступами, а вот остальные термины – выдумка его противников-зубоскалов. Но не важно, кто автор. Важно, что нельзя насаждать термины искусственно. По крайней мере, очень сложно. Мы подробнее поговорим об этом в главе про феминитивы.

Вот ещё один исторический пример.

В 1887 году лингвист Людвик Лазарь Заменгоф представил миру язык эсперанто, который искусственно сконструировал на основе лексики и грамматики европейских языков. Заменгоф надеялся, что эсперанто станет вторым языком для каждого образованного человека

в мире, и так иностранцы смогут общаться между собой, не изучая родные языки друг друга. Но этой идеалистической идее не суждено было воплотиться в жизнь. На эсперанто говорят от сотни до двух миллионов людей (тут оценки разнятся), но эти числа не идут ни в какое сравнение с тройкой самых популярных языков в мире.

Китайский	Испанский	Английский
1 миллиард носителей	460 миллионов носителей	380 миллионов носителей

Я понял, выдумывать слова – плохая идея. Но ведь бывает, что в языке уже есть нужное слово, а на смену ему приходит иностранный аналог...

Да, случается и такое. Мы уже разобрались, что новые предметы и явления обычно попадают к нам с теми же названиями, которые получили в культуре, где их изобрели или откуда мы их заимствовали.

Например, *микроволновка* – дословный перевод английского *microwave*, первый такой прибор был изобретён в США. А вот столицу Франции мы называем *Париж*, а не *Пари*, потому что это слово пришло к нам не напрямую от французов, а через польский язык, который переделал название на свой фонетический лад.

Но иногда в языке появляются слова, которые как будто повторяют уже существующие. Например, зачем нам *клинер*, если есть *уборщица*? Для чего нам *спонсор*, если есть *меценат*?

Дело в том, что у каждого термина есть не только непосредственное значение, но и набор ассоциаций, которые наклеились за годы использования в языке. Первая ассоциация со словом *меценат* – щедрый богач, который жертвует мешки золота на благо музея или галереи искусств. А *спонсор* в глазах широкой общественности – это компания, которая поддерживает кого-то в обмен на рекламу.

Клинер звучит престижнее, чем *уборщица*. А *фуд-корт* – это не просто столовая, а зона питания в торговом центре, на вокзале или в аэропорту. И наконец, позволим себе не объяснять, чем *митинг* отличается от *встречи*, потому что хотим, чтобы эта книга вышла в печать.

Все эти примеры объединяет одно: заимствованные слова не тождественны привычным аналогам. Они всегда конкретизируют понятие, дают ему более узкое значение. А значит, помогают нам лучше понимать друг друга.

Но ведь не все понимают заимствования. Как определить, где они уместны, а где только усложнят коммуникацию?

Невозможно провести чёткую грань между сложными терминами и понятными всем словами. То, что вчера казалось редким словом, уже сегодня может войти в обиход. Ты же не станешь называть ноутбук электронно-вычислительной машиной, а визажиста – лицеделом, правда?

Главное правило – ориентируйся на контекст. Например, коллеге-айтишнику можно сказать, что у тебя *консёрн по фидбэку от продакта*, а бабушке лучше объяснить, что *сомневаешься, что Семён Петрович правильно понимает твою работу*. Если непонятно с ходу, какой лексикой владеет собеседник, всегда ориентируйся на бабушку. Может, за своего не примут, зато смысл сказанного точно поймут.

Вот что мы думаем об использовании новых слов в речи.

Хорошо, если заимствование:

- помогает говорить короче (*логин* – учётное имя пользователя);
- помогает называть новые понятия (*гендер* – это не просто пол);
- помогает выделять новые оттенки смысла (*крафтовый* – не то же, что *кустарный*).

Плохо, если заимствование:

- не вписывается в стилистику (*Тракторист Вася вспахал поле и поделился кейсом с комбайнёром Саней*);
- забивает речь до неузнаваемости (*Нужно иммидиатли зашерить этот анбеливэбл экспириенс с моими тиммейтс*).

Но и тут возможны исключения. Совершим ещё один экскурс в историю, который наглядно покажет, как сильно наша лексика зависит от окружения.

Есть такой термин для обозначения смеси языков – *рунглиш*. Это когда англицизмов так много, что не поймёшь: перед тобой русский с примесью английского или наоборот. Такое происходит на стыках культур, чаще всего когда люди из России попадают в англоговорящее окружение и начинают добавлять местную лексику в свою речь.

Хороший пример – речь эмигрантов на Брайтон-Бич. Вот цитата из разошедшегося на мемы интервью Зои Вексельштейн на YouTube: *Мы делаем эмейзинг кастомер сёрвис, у нас хороший стафф, который работает уже 20 лет.*

Само понятие *рунглиш* пришло к нам из космоса. Это слово в 2000-м придумал космонавт Сергей Крикалёв, который работал в международной команде на МКС. Это была не про-

сто шутка, а отражение реальности, потому космическое агентство НАСА указало рунглиш как один из официальных языков на борту космической станции.

С точки зрения адмирала Шишкова, о котором мы рассказывали выше, рунглиш – бесовское издевательство и над русским, и над английским языками. Но мы уже говорили, что язык – не музейный экспонат, а живая система, которая существует, чтобы люди могли лучше понимать друг друга. С этой функцией рунглиш великолепно справляется.

Хм, а другие языки тоже заимствуют слова из русского?

Конечно. И это не только *водка, балалайка, самовар, спутник, колхоз и большевик*. Возможно, ты удивишься, какие слова перекочевали из русского в английский, французский, немецкий, финский и даже японский. Давай разбираться по порядку.

Русский → английский

В английском больше 300 слов, которые заимствованы из русского. Не ручаемся, как часто их используют носители языка, но Большому Оксфордскому словарю известны:

- shchi (*щи*);
- shashlik (*шашлык*);
- kissel (*кисель*);
- sable (*соболь*);
- sterlet (*стерлядь*);
- mammoth (*мамонт*).

Большинство русских заимствований в английском языке – бытовые. Они связаны с тем, что видели и слышали купцы, отправляясь торговать в Moscow или Astrakhan. Muscovites ездили на droshki, запряжённые troika. Покупали товары заморские за roubles и copecks. А если встретить на улице cossacks и повздорить с ними, можно было отхватить knout по спине.

Ощущение, что «Заводной апельсин» Бёрджесса читаешь, правда? Кстати, это ещё один источник русских слов в английском. Незадолго до написания романа Бёрджесс побывал в Советском Союзе, набрался русской лексики и использовал её как основу для вымышленного языка Nadsat, на котором говорят подростки в книге. Nadsat – это тот самый русский суффикс для числительных. У Бёрджесса он означает то же самое, что и английское – teen, то есть *подросток*. А ещё в романе встречаются слова droog (*друг*), moloko (*молоко*), malchik (*мальчик*), litso (*лицо*), dratsing (*драка*), krasting (*воровство*) и ещё гора транслитераций, которые мы не будем тут перечислять, чтобы не изводить зря типографскую краску.

Кстати, слово nihilist тоже попало в английский напрямую из русского. Что? Да! Казалось бы, у латинского nihil куда больше шансов попасть в родственный английский, чем в русский. Но англоговорящих людей это слово не особенно интересовало, пока Иван Тургенев не написал «Отцов и детей», а американский лингвист Юджин Скайлер не перевёл книгу на английский и не издал её.

Русский → французский

Французский словарь Petit Robert знает больше сотни слов русского происхождения.

Среди них:

- blinis (маленькие блинчики);
- hurra, hurrah (ура);
- le cosmonaute (космонавт);
- l'avoska (авоська);
- chapka (шапка-ушанка).

Самая интересная история со словом *шапка*. Сначала было французское слово **chapeau**, которым называли что-то вроде колпака. Оно переключалось в русский и жило у нас, меняя эпохи, моды и фасоны, пока не появилась знаменитая меховая ушанка. А потом произошло обратное заимствование, и у французов теперь есть слово **chapka**. Чуешь, как изменилось и обрусело звучание за годы, которые шапка провела в России?

Русский → немецкий

Мы не скажем, сколько в немецком языке русских заимствований, потому что просчитать это оказалось слишком сложно. Но вот некоторые из них:

- die datsche (дача);
- blini (блины);
- der kefir (кефир);
- die Okroschka (окрошка);
- der Schtschi (щи, осторожно, не сломай язык);
- der kulitsch (кулич);
- der kwass (квас).

Русский → японский

В японском языке заимствования в основном бытовые и гастрономические:

- #### [pirosh(i)ki] (*пирожки*);
- ### [pech(i)ka] (*печка*);
- #### [bor(u)shichi] (*борщ*);
- ## [shi:] (*щи*);
- #### [sumetana] (*сметана*).

Русский → финский

Больше всего русских слов, не считая других славянских языков, вобрал в себя финский. Оно и логично, когда столько сотен лет народы живут бок о бок, душа в душу, деньги в кошель, меч в печень, ружьё в сердце, автобус в Хельсинки – на этом завершим перечень военно-торгово-туристических отношений России и Финляндии.

Лингвист Хейкки Паунонен подсчитал, что только в Хельсинки в разные периоды было в обиходе около 860 русских слов. Сейчас их меньше: старшее поколение активно использует около 60 слов, а молодёжь – не больше 30. Среди них:

- lafka (*лавка, магазин, кафе*);
- mesta (*место, район*);
- voda (*вода*);
- tsaikka (*чай*);
- stara (*старик*).

Эти слова не стали нейтральной общеупотребительной лексикой. Они считаются чем-то вроде городского сленга, который использует в основном молодёжь и студенты. Но этот сленг достаточно популярен, чтобы не сбрасывать его со счетов.

Хм. В России так много говорят о чистоте языка и вреде заимствований. А в других языках такое есть?

Ну разумеется!

Есть такое понятие – языковой пуризм. Это когда большие поклонники родного языка провозглашают его чистоту как высшую ценность. Объявляют войну неологизмам, заимствованиям, сленгу, диалектам и прочим сомнительным элементам, которые воспринимаются как порча языка.

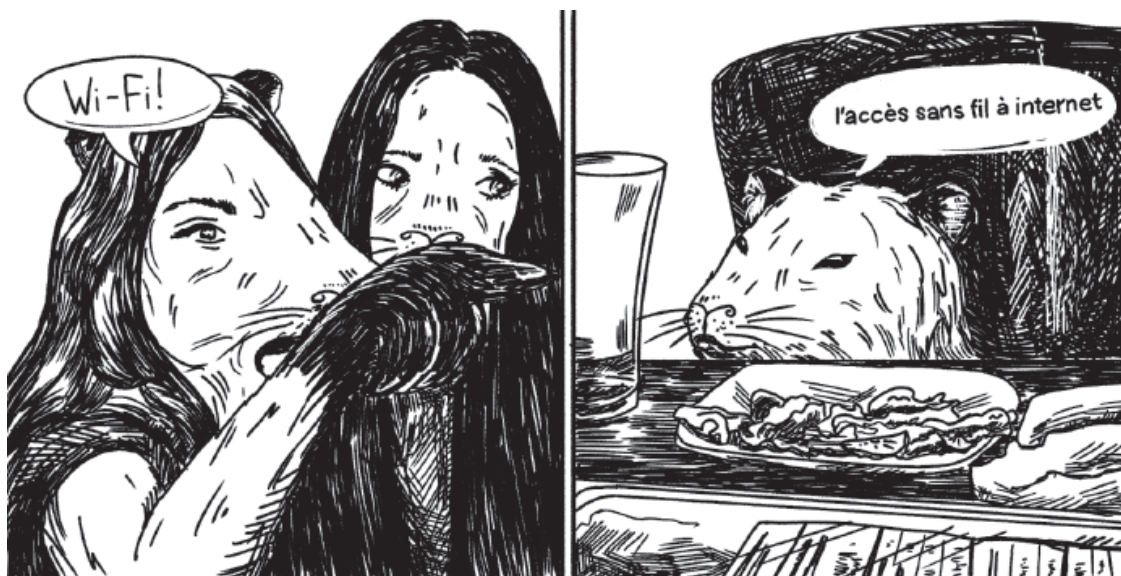

Адмирал Шишков – фактурный пример языкового пуриста. Но не стоит думать, что это наша национальная особенность: некоторые культуры перешеголяли нас в пуризме.

Какая страна так же яростно борется с англицизмами, как Россия? Правильно, Франция.

Мы уже рассказывали тебе про рунглиш, а теперь настало время познакомиться с франгле – слиянием французского и английского языков. Это явление не одобряется на государственном уровне. В 1975 году президент Франции подписал закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого. Французская академия и Комиссия по обогащению французского языка внимательно следят за новыми предметами и явлениями в мире и спешат придумать им французское название, пока англоговорящие ловкачи не подсунули свой термин.

Например, привычный для большинства стран компьютер во Франции называют **ordinateur** (упорядочиватель). А ноутбук – **ordinateur portable** (переносной упорядочиватель). Кто такой этот ваш закон речевой экономии?

Кстати, некоторые лингвисты считают, что французский термин точнее передаёт суть, чем computer (вычислитель).

Но импортозамещение идёт с переменным успехом. Например, английскую аббревиатуру Wi-Fi не вышло заменить длинной фразой **l'accès sans fil à internet** (*беспроводной доступ в интернет*). Удивительно, почему? Неужели кому-то было неудобно произносить это выражение поистине королевских размеров?

Летом 2022-го Французская академия добралась до геймеров и призывала заменить *киберспорт* фразой **jeu video de competition** (*соревнования по видеоиграм*), а *стримера* – фразой **joueur-animateur en direct** (*игрок-ведущий прямых трансляций*). В эту инициативу мы верим ещё меньше, чем в импортозамещение Wi-Fi. И не только потому, что короткие двусложные слова пытаются заменить громоздкой конструкцией, но и потому, что академики не учитывают контекст.

Для общеупотребительных слов, которые французы чаще всего произносят в повседневных разговорах друг с другом, проще придумать национальные аналоги. Но киберспорт – дисциплина международная, поэтому геймеры стремятся к языковому сближению. Играть в команде несколько затруднительно, когда каждый игрок говорит на своём национальном языке.

Ещё строже французский охраняют в канадской провинции Квебек. Там действует специальная Хартия французского языка, которая признаёт французский единственным официальным языком почти во всех сферах жизни: от законодательства до общения на работе. Даже привычный большинству европейских стран email в Квебеке заменили словом **courriel**.

А вот ещё один любопытный факт.

Все вывески, названия улиц и дорожные знаки в Квебеке должны быть на французском. При этом текст может повторяться на любом другом языке, но если это английский, то текст должен быть мельче, не больше 3/4 от французских букв.

Такая нелюбовь к английскому в Квебеке неспроста. До 1759 года Канада была французской колонией, а затем перешла к британцам. Франкоканадцев угнетали и на государственном, и на бытовом уровнях, вытравливая из страны их культуру и язык.

Тёмные времена давно прошли, и сейчас Канада – мультикультурная страна, где уважают все языки, на которых говорят местные жители. А официальными считаются два: английский и французский. Но только не на востоке страны!

Квебек не признаёт билингвизма и считает официальным языком только французский. Почему его так агрессивно защищают? А потому что вокруг англоязычные сограждане. Если не охранять язык законом, в Квебеке тоже распространится какое-нибудь «франгле», а то и вовсе английский как ведущий язык.

Ещё интереснее дела обстоят в Исландии.

Исландский язык больше других европейских языков похож на древнескандинавский. И дело не в том, что Исландия находится на отшибе мира и вездесущие англицизмы до неё не долетают. В эпоху интернета такое предположение звучит смешно. Дело в том, что исландцы искусственно поддерживают языковую чистоту. Новые понятия не переезжают в исландский из языков, где они появились, а образуются путём калькирования.

Транслитерация – это когда иностранное слово дословно записывается знаками другого языка:

- computer → компьютер;
- trend → тренд;
- presentation → презентация.

А калькирование – это когда слово или фраза буквально переводятся на язык, который их заимствует. Например:

- self-service → самообслуживание;
- skyscraper → небоскрёб;
- shadow economy → теневая экономика.

В современном русском языке транслитераций больше, чем калек, а в исландском наоборот. Новые слова образуются от древнеисландских и древнескандинавских корней с помощью суффиксов и других морфем. Адмирал Шишков одобряет!

Чтобы осознать степень архаизации языка, достаточно одного факта: современный исландец без труда понимает тексты саг, написанных в XIII–XIV веках. Для сравнения попробуй прочитать «Моление Даниила Заточника» или «Слово о погибели Русской земли», написанные в то же время. Мы имели счастье ознакомиться с этими памятниками древнерусской литературы в годы учёбы в университете. Признаемся: без перевода на современный русский не осилили.

Современный исландец без труда понял бы викинга

Давай разбираться, что за магия в этой Исландии случилась. Шишков воевал против галломании, французы и квебекцы – против англицизмов, но что так мотивировало исландцев вступить за чистоту родного языка?

Датское влияние.

До 1944 года Исландия была датской колонией, а датский язык не просто конкурировал с исландским, но и считался языком элиты и интеллигенции. Примерно как французский в Российской империи первой половины XIX века.

Всё было так плохо, что датский лингвист Расмус Раск пророчил исландскому скорую смерть: «По правде говоря, я думаю, что исландский вскоре вымрет, я полагаю, что мало кто будет понимать его в Рейкьявике через 100 лет и мало кто в стране ещё через 200».

Но Раск оказался не прав. Он не учёл, что датский язык в Исландии распространялся в основном устно, в письменных документах не фиксировался. Лексика быстро устаревала и умирала вместе с носителями.

В то же время в письменных источниках фигурировал родной исландский. Местные жители ещё в XVI веке подсуетились и перевели Библию на родной язык, избежав латинского влияния. А уж после того как Исландия стала самостоятельным государством, национальный подъём был такой, что язык защищали на всех уровнях: журналисты, театральные деятели, учителя, писатели, переводчики, государственные и общественные организации. Все следили за тем, чтобы в исландский не проникли чужеродные заимствования.

У Исландии получилось то, что не смогли сделать пуристы ни одной страны мира. Даже Франция с её жёсткими законами по защите языка не смогла избежать возникновения франгле, а исландцы успешно законсервировали язык.

Вот как они это делают. Когда в язык залетает какое-то иностранное слово, Исландская языковая комиссия подбирает для него аналоги на основе национального материала и проводит публичное обсуждение, чтобы проанализировать варианты и выбрать наиболее подходящий. В следующем параграфе мы будем говорить о том, что мысль *«Русские лингвисты выдумывают слова и решают, как нам писать»*, – не более чем конспирология. Но исландцы действительно так делают!

Вот какие самобытные слова есть в исландском:

- i-Sími (*айфон*) – от древнеисландского *нить*;
- rafmagn (*электричество*) – от *сила янтаря*;
- tölva (*компьютер*) – от *tala (номер)* и *volva (пророчица)*;
- skjár (*экран телевизора*) – от древнеисландского *овечья плацента*.

Пусть тебя не пугает происхождение последнего термина: именно овечью плаценту фермеры в своё время вставляли в рамы окон. Визуально это похоже на экран телевизора, вставленный в корпус.

Но, пожалуй, самое показательное – отношение Исландии к именам. Да, для имён в этой стране тоже есть отдельная комиссия. По закону, если хотя бы один из родителей исландец, ребёнок должен носить национальное имя. Его можно выбрать из специального списка. А если родители хотят назвать ребёнка именем, которого нет в списке, нужно обратиться в Комиссию по именам и получить разрешение. И это не просто формальность: заявления часто отклоняют.

Ну вооот, а вы говорили! У исландцев же получилось защитить чистоту языка. И мы сможем.

Это очень вряд ли. В России нет такого мощного движения, которое на всех уровнях отстаивало бы национальную лексику: от государственных институтов до СМИ, блогеров и добровольных объединений. А ещё это невероятно дорого.

Например, в 2001 году правительство Исландии финансировало перевод на исландский язык всех продуктов Microsoft. Компания сначала отказывалась: мол, это никогда не окупится. Работа титаническая, а носителей языка мало. Но Исландию не волновали экономические затраты, это был вопрос политический.

Но, даже если бы такое было возможно, мы сомневаемся, что это хорошо.

Если запрещать иностранные слова, язык будет останавливаться в развитии. Лексика просто не будет отражать современных реалий. И речь не только об изобретениях и общественных явлениях, но и об абстрактных понятиях. Например, тоска, хандра, уныние, меланхолия, грусть, сплин, ипохондрия, скука, депрессуха – это всё разные эмоциональные состояния. Нельзя оставить одно слово с исконным для языка корнем и выгнать все заимствования взащей. Не просто так они в языке закрепились: значит, родные для языка слова оказались не такими ёмкими и не так точно передавали суть.

Парадокс: запрет заимствований ведёт не к сохранению, а к уничтожению языка. Ведь тогда носителям не будет хватать слов в родном и они перейдут на иностранный.

И положение дел в современной Исландии частично это подтверждает. В сентябре 2001 года министерство образования Исландии инициировало опрос среди жителей страны о том, какими иностранными языками они владеют. Оказалось, что английский хорошо знают 64 % опрошенных, причём среди людей моложе 29 лет их 96 %.

Увы, мы не нашли более современного опроса, если таковой вообще проводился. Но подозреваем, что сейчас процент англоговорящего населения в Исландии ещё выше. И не факт, что исландская архаика останется в истории страны надолго. Исландцы слышат английский язык в песнях, фильмах и играх, общаются с иностранными туристами и иностранными студентами, коллегами – изолироваться не выйдет. Поэтому некоторые лингвисты предполагают, что исландский язык пойдёт по пути сближения с английским.

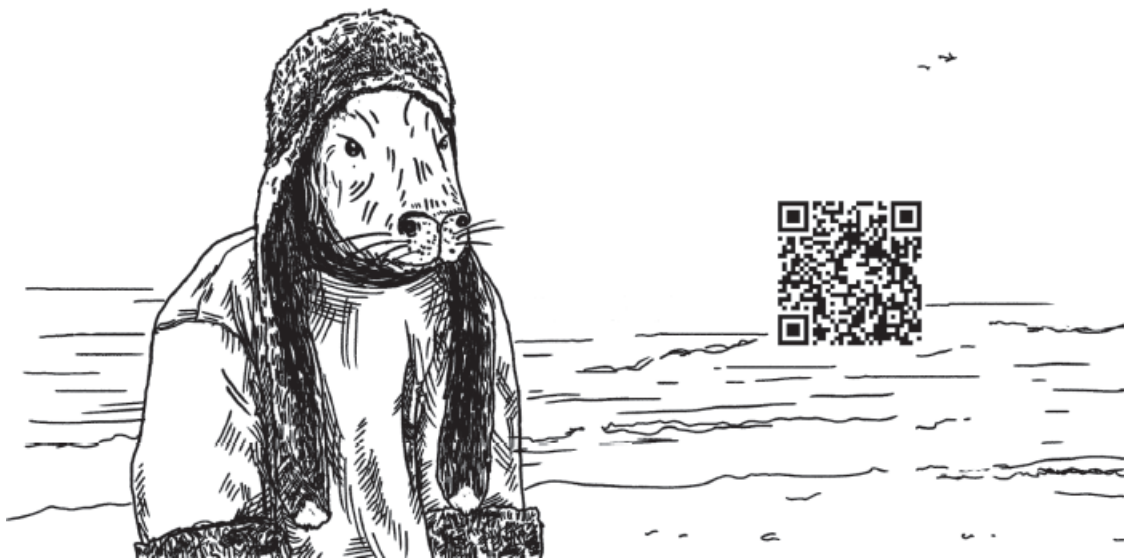

**Вроде всё логично, но всё равно грустно.
Так много красивых национальных языков, а все сближаются и
становятся похожи...**

Тут самое время вспомнить о том, что язык – не сакральное знание, а инструмент. И ценен он в первую очередь не красотой и изяществом, а тем, что помогает нам точно и ёмко выражать мысли и понимать друг друга. В этом плане сожалеть не о чем.

Мы отчасти понимаем твою грусть. И предлагаем взглянуть на ситуацию под другим углом. Когда-то языков в мире было гораздо больше: у каждого племени, затем княжества, затем региона был свой диалект. Мы привыкли думать, что диалект – это особенность произношения и пара десятков расхождений в терминах, но с точки зрения лингвистики диалект – это самостоятельный язык. Просто на территории современной России они рано начали сближаться, и нам относительно легко понимать сограждан из Тюмени или Архангельска. Хотя Архангельск – отдельный разговор.

Например, вот так говорят поморы.

https://www.youtube.com/watch?v=LelK4Mc_mfo

В других странах всё ещё интереснее. Скажем, в Италии 32 основных диалекта и несколько сотен малых. Эти языки настолько разные, что жители разных регионов могут не понимать друг друга. Например, считается, что итальянцу, который не вырос на Сицилии,

нужен примерно год, чтобы выучить местный диалект. Настолько сильно он отличается от официального литературного языка.

Откуда взялся этот официальный итальянский язык, который мы сейчас изучаем? Вырос из тосканского диалекта. И дело не в том, что тосканский самый благозвучный и утончённый. Просто им чаще всего пользовались в торговле. А чуть позже на тосканском были написаны знаменитые литературные произведения Данте, Петрарки и Боккаччо, и диалект обрёл невиданную популярность. То есть причина всё та же: практические нужды заставляют народы идти по пути объединения, в том числе языкового.

Получается, когда-нибудь мы все неизбежно заговорим на одном глобальном языке?

Необязательно. Человечество может развиваться по пути би- или полилингвизма. Выше мы уже говорили, что это логичный путь для Исландии, но есть и реальные примеры, а не только гипотезы.

Так, в 2021 году Франция одобрила закон о защите и продвижении региональных языков в стране. Да-да, та самая Франция, которая даже для компьютера оригинальное название придумала. Впрочем, два этих факта не противоречат друг другу.

Итак, сейчас во Франции помимо официального государственного языка распространены языки коренных народов: пикардский, бретонский, корсиканский, эльзасский, фламандский, баскский, окситанский, креольский. Долгое время французы изучали их только в семьях или общественных объединениях. Но теперь ученики смогут изучать региональный и официальный государственный языки и к выпуску из школы будут полностью двуязычными.

Кстати, мы в России этот момент упускаем. О защите языка от иностранных заимствований говорится много, но речь только об официальном русском языке. Между тем государственные языки республик сейчас считаются факультативными. Жители Татарстана, Башкирии, Чувашии не изучают национальные языки в школах, и число носителей их быстро сокращается и со временем может совсем исчезнуть. А жаль! Уж если говорить о сохранении языкового разнообразия, то нужно иметь в виду все языки, а не только государственные.

Хм! Выходит, всем довольны только англичане и американцы: их язык не только не засоряется иностранными словами, но и, наоборот, распространяется на многие другие...

Ты удивишься, но в Великобритании тоже есть языковой пуризм!

Всю свою историю англичане воюют с разными заимствованиями. Сначала воевали со словами, пришедшими из латыни и французского, а сейчас – в основном с американизмами.

Исторически дело было так.

В VI–VII веках английский наводнили латинские термины: это связано с наплывом в страну христианских миссионеров. В XI веке случилось Нормандское завоевание, и из языка исчезло около 80 % древнеанглийских слов. Вместо них появились французские. И наконец, в XVII–XVIII веках латынь совершила новый набег на английский: теперь уже причиной стали Возрождение и научно-техническая революция.

В результате английский язык, который относится к германской группе и родственен датскому, немецкому, шведскому и исландскому, оказался ближе к французскому и испанскому. В современном английском примерно 29 % французской лексики, 29 – латинской, а германской – только 26. Вот и получается, что англичанин лучше поймёт француза, чем немца, хотя исторически немец ему ближе.

Развитие языка похоже на развитие человека. Когда ты маленький, нет никого любимее семьи, а взрослым друзья часто бывают ближе, чем родственники.

Если ты думаешь, что это всё дела минувших лет и за чистоту английского языка сражается парочка фриков, которых можно и не учитывать, – ты ошибаешься. В Великобритании есть целые общества в защиту английского. Самые известные из них – Plain English Campaign и The Society for the Protection of the Apostrophe.

Что же они делают?

Призывают отказаться от синонимов к словам, которые уже есть в английском. Например, использовать **begin** вместо **commence** (*начинать*). Сейчас эти слова используются чаще всего в разных контекстах. **Begin** – это более повседневное слово. Можно начать завтракать, читать книгу, жить самостоятельно, съехав от родителей. **Commence** – более официальный термин. Его чаще используют, когда говорят о заседаниях, судебных делах, форумах, олимпиадах. Ситуация та же, что и со *сплином* и *хандрой* несколькими страницами выше. Можно оставить только одно слово вместо двух, но тогда будет сложнее передавать оттенки смысла.

Отдельные гонения обрушились на американизмы. Причём коснулось это и произношения, и построения предложений, и словообразования. Мол, вокзал следует называть **railway station**, а не **train station**, как говорят американцы. А вместо американизма **guy** (*парень*) предлагают использовать один из британских диалектизмов: **lad**, **bloke**, **geezer**, **chap**, **fella**. Такой «чистый» английский язык называют *Anglish* (*англский*).

Наверное, самый известный британский пурист XX века – Джордж Оруэлл. Он всегда старался выбирать для своих текстов простые англосаксонские слова, а не сложные термины греческого и латинского происхождения.

Но это проявление мягкого пуризма. А есть и радикалы, которые призывают возрождать древнеанглийские слова и придумывать новые – с германскими корнями. Например, называть словарь не **wordbook**, а **wordstock**; музыканта – не **musician**, а **gleeman**. Всё по заветам Исландии, но в Великобритании такое вряд ли прокатит. Радикальных пуристов меньшинство, и сограждане считают их скорее фриками, чем реформаторами языка.

Так, я понял! Ну американцы-то точно довольны? Американский английский проникает везде и всюду.

Не совсем. Американский английский оказывает большое влияние на другие языки, но и они на него влияют. Чем больше людей изучает английский как второй язык, тем сильнее он упрощается: на уровне структуры, лексики, произношения.

Например, некоторые лингвисты предполагают, что уже к середине XXI века из английского может исчезнуть звук, обозначаемый буквосочетанием *th*, потому что многим иностранцам и мигрантам сложно его произносить. Есть неиллюзорная вероятность, что наши потомки будут произносить вместо *this* – *dis*, а вместо *that* – *dat*, а вместо *think* – *fink*.

Разумеется, многие носители не в восторге от такой перспективы. Но о том, как относиться к упрощению языка, мы уже говорили в предыдущих главах.

Вот такие дела. Иногда нам как носителям кажется, что только в нашем языке самые сложные правила, самое большое число исключений и заимствований и что только у него самые ревностные защитники. Но, пожалуй, **главный миф о русском языке – это миф о его исключительности**.

Так что же, русский язык не умирает?

Конечно, нет. Языки умирают только тогда, когда умирают его носители. Молодёжь с неологизмами – всего лишь лёгкая простуда, которую язык легко переживёт. А потом станет сильнее и крепче.

Парадокс, но опаснее всего для языка те, кто пытается его защитить.

Кто придумывает правила русского языка?

«Давным-давно, ещё во времена древнего Шумера, на Землю прилетели рептилоиды с планеты Нибиру. Они вживили чипы в головы первым шумерам, чтобы те придумали письменность. А затем рептилоиды создали кольца Сатурна и запустили в космос спутники, истинная цель которых – поработать сознание школьных учителей и филологов с помощью системы космических облучателей. Этот сигнал попадает людям прямо в мозг и формирует у них желание придумывать заковыристые правила и щедро снабжать их исключениями. Для чего им это? Всё ясно как белый день: рептилоиды питаются страданиями людей, и нет для них более сытного и сочного блюда, чем человек, который пытается разобраться с запятыми в сложноподчинённом предложении...»

Свидетельство главного лингвоконспиролога мира Дэвида вон Капибайка

Возможно, ты удивишься, но эта теория заговора не менее безумна, чем идея, что лингвисты придумывают правила русского языка. Давай разбираться, где заседает мировое лингвоисправительство и на каком основании оно диктует нам, как говорить и писать.

Школьные учителя, журналисты и филологи берут правила из словарей, утверждённых Министерством науки и высшего образования РФ.

Министерство составляет словари на основе рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку.

Вот мы и добрались до главных заговорщиков. В Комиссию входят лингвисты и филологи из Института русского языка Российской академии наук. Они и определяют нормы русского языка.

Но учёные ничего не придумывают. Они только фиксируют нормы и правила, которые сложились в языке естественным путём.

Хм, но словарные нормы часто не совпадают с тем, как говорит большинство.

Это правда, словари часто отстают от реальной речевой практики на годы, а то и на десятки лет. Так происходит, потому что лингвисты не могут внести слово в словарь сразу же, как только оно появилось в речи. Нужно понять, насколько распространилось это слово, надолго ли оно останется в речи или это временный тренд, провести исследования. Всё это требует времени.

В литературе начала XX века, например у Валентина Катаева, можно встретить слова *рожденческий* и *рожденник* – по аналогии с *именинным* и *именинником*. Но эти слова не стали широко распространёнными и не попали в словари. Так же как не попало в словарь заходеровское прилагательное *деньрожденный*, которое он придумал для своего перевода «Винни-Пуха». Если бы терминами Катаева и Заходера заговорила вся страна, словари не остались бы в стороне. Но этого не случилось, и у нас по-прежнему нет прилагательного для обозначения торта, который приготовили именно ко дню рождения.

А вот другой пример. Словари знают слово *плацкарта* в значении «проездной билет», но не знают слово *плацкарт* в значении «тип вагона». А мы с вами, наоборот, прекрасно знаем, что такое *плацкарт*, а билет называем просто билетом. А ещё словари знают слово *функционал* как математический термин, но понятия не имеют, что сейчас многие люди называют так набор функций сервиса или приложения.

Значит ли это, что плацкарта как вагона и функционала как набора функций не существует? Конечно, нет. Они активно используются в речи, а значит, существуют. И, думаем, скоро попадут в словари.

Вот ещё один пример. По правилам русскоязычные топонимы на – О нужно склонять: *в Комарове, в Купчине, в Переделкине*. Но в современной речи всё чаще звучат варианты: *в Комарово, в Купчино, в Переделкино*. И вполне вероятно, что через несколько лет словари и справочники закрепят новую норму.

Получается, если все начнут повторять одну и ту же ошибку, со временем она станет нормой и попадёт в словарь?

А вот это не факт. Чтобы лингвисты закрепили в словаре новую норму, они должны увидеть, что:

1. так говорит большинство людей;
2. норма не противоречит правилам словообразования и логике языка;
3. слово или фраза не стали маркером безграмотности.

Фраза *с днём рождением* не проходит проверку вторым пунктом, потому что нарушает правила подчинительной связи в предложении. Зависимое слово должно стоять в той падежной форме, которую требует главное слово. *День* (чего?) *рождения*.

К глаголу *ложить* нет вопросов с точки зрения языковой логики. Зато он стал своего рода символом безграмотности и вызывает у многих людей приступ паники и граммар-нацизма. Когда вокруг слова появляется столько споров, у него нет шансов попасть в словарь.

Подробнее о языковой норме и перспективах разных слов мы расскажем в параграфах «„Кофе“ среднего рода – тоже нормально?» и «Дай вам волю, и звонить начнёте!»

Откуда берутся исключения и почему их так много

«На очередном заседании лингвоконспирологического совета рептилоиды с планеты Нибиру посовещались и придумали, как усложнить людям жизнь. Было решено вживить земным лингвистам микрочипы, чтобы те не просто придумывали заковыристые правила, а щедро приправляли их исключениями. Самый мощный чип вживили советскому лингвисту Сергею Ожегову, чтобы он своих сограждан не щадил. И он не пощадил...»

Свидетельство главного лингвоконспиролога мира Дэвида вон Капибайка

В этом параграфе мы сосредоточимся на исключениях.

Правила русского языка – это не строгие бескомпромиссные законы, а всего лишь формулировки самых распространённых закономерностей. Когда в речи появляется закономерность, лингвисты обнаруживают её и описывают как правило.

Если бы язык был искусственной системой, которую один человек придумал и внедрил и строго следил бы за соблюдением правил – никаких исключений не существовало бы. Но язык развивался стихийно и бессистемно, в этом процессе участвовало всё общество, а влияние отдельных людей несущественно. Поэтому всё, что могут делать лингвисты, – это *о*рать фиксировать языковые явления, принимать или не принимать их как нормы и описывать так, чтобы нам с вами было проще их запомнить.

Разберём несколько примеров.

Почему мы пишем ЖИ-ШИ с буквой И

Обычно мы пишем Ъ после твёрдых согласных, а И – после мягких.

*Капибарин **был** добряком и лапушкой – [б] твёрдый, пишем Ъ.*

*Капибарин **бил** своей пушистой лапушкой – [б'] мягкий, пишем И.*

По этой логике мы должны писать *жы-шы*, ведь Ж и Ш – твёрдые согласные. Так почему не пишем? Всё дело в традиции.

В древнерусском языке звуки [ж'], [ш'] были мягкими, и после них нужно было писать И. А к XIV веку язык изменился, и эти звуки стали произноситься твёрдо. Сохранились документы той эпохи, где встречаются слова *жывоутъ, жывите, держытъ*. Но грамотные современники считали такое поведение девиантным и продолжали писать как привыкли: ЖИ и ШИ.

Позже эта привычка закрепилась как норма орфографии. Получается, правило, которое мы вынуждены соблюдать в 2022 году, – всего лишь отголосок древнего произношения.

Зачем цыган на цыпочках цыплёнку цыкает «Цыц!»

Большинство слов с сочетанием ЦИ в корне – иноязычные. Они пишутся по принципу транслитерации: то есть точно передают знаки одного языка знаками другого языка. В языках, из которых заимствованы эти слова, буквы Ъ нет. Поэтому и в транслитерации её нет: *цивилизация, медицина, абстракция, циркуль, цинизм, цистерна*.

Но в русском языке буква Ц передаёт твёрдый звук, в исконно русских и давно заимствованных словах после неё нужно писать и произносить Ъ. Таких слов всего пять: *цыган, цыпочки, цыплёнок, цыкнуть, цыц*.

Невероятно, но в этом правиле исключениями стали исконно русские слова, а заимствования сформировали правило.

Откуда взялись исключения для спряжения глаголов

В школе учили, что если перед –ТЬ стоят буквы Е, А, О, У, то перед тобой глагол первого спряжения и в безударном окончании нужно писать Е. Например, *ползать* – *ползает*, *летать* – *летает*, *падать* – *падает*.

Но есть одиннадцать коварных глаголов, которые выглядят, как будто они первого спряжения, а на самом деле относятся ко второму: *знать*, *держать*, *смотреть*, *видеть*, *дышать*, *слышать*, *ненавидеть*, *зависеть*, *вертеть*, *обидеть*, *терпеть*.

Как так вышло? Да просто в древнерусском эти глаголы произносились чуть по-другому и по форме относились ко второму спряжению. Не *обидеть*, а *обидѣти*. Не *видеть*, а *видѣти*. Не *слышать*, а *слышати*.

В современном русском языке инфинитивы звучат иначе, но принципы спряжения остались теми же. Вот и пришлось записать эти одиннадцать глаголов в исключения.

О том, как в русском языке исключения появлялись, мы могли бы написать целую книгу. Но нас опередили, такой труд уже есть, называется «Объяснительный русский орфографический словарь-справочник». А мы идём дальше: наша задача – объяснить общий принцип, а не разобрать все исключения в русском языке.

Почему буква Ё так и не прижилась в русском языке?

Буква Ё появилась в русском языке больше 200 лет назад, но так и осталась чужой для нашей культуры. Кто-то за её игнор готов ломать лица, а кто-то даже не знает, где она находится на клавиатуре. Как же так вышло?

Давным-давно в диалектах, которые легли в основу русского литературного языка, буква Е под ударением после мягкого согласного читалась как О, но писали всё равно Е:

Стена, мед, теленок, береза

Так как отдельной буквы для обозначения этого звука не было, приходилось просто запоминать, что читается [б'ир'оза], а не [б'ир'эза].

Новгородцы были против такого расклада и в своих берестяных грамотах писали так, как слышали, то есть через О. Они возвели это правило в абсолют и забивали даже на ударение. Поэтому в текстах, созданных в Новгородской республике, встречаются *чотыре, чоловек, чоло*.

Как в своё время выяснил академик Яков Грот, букву Ё придумал Карамзин и использовал её преимущественно в письмах и рукописях своих произведений.

В типографиях новомодной литеры тогда, разумеется, не было. Поэтому даже при наличии буквы Ё в первоисточнике в напечатанной версии ставилась только Е. Первым исключением стали «И мои безделки» Дмитриева, опубликованные в 1795 году в Московской университетской типографии.

Через год в той же типографии Карамзин издал стихотворный сборник «Аониды», где встречаются слова *зарёю, орёлъ, мотылёкъ, слёзы*.

За любовь к Ё Карамзина и других литераторов часто критиковали академики. Они считали, что буква Ё делает русский язык слишком мещанским, а говорить надо через Е, ведь это фишечка элиты и прочих дворян.

Кстати, даже сам Карамзин в своей главной книге «История государства Российского», которая вышла в 1816–1817 годах, Ё не употреблял.

Официальную прописку букве Ё оформил Владимир Даль в 1860-х. Он закрепил её написание в первом издании «Толкового словаря живого великорусского языка» сразу после буквы Е, тем самым начав холивар среди лингвистов, литераторов-энтузиастов и владельцев типографий. Последние напрягались больше всех, ведь никто не хотел тратить деньги, чтобы доба-

вить в печатный станок ещё одну литеру. Конец всем спорам должна была положить комиссия Императорской академии наук в 1904 году. Но она так и не состоялась.

Первая русская революция, мировая война, октябрь 1917 года – обстановка в стране отбила желание дискутировать даже у самых заядлых поклонников Е с двумя точками. Вернул букву Ё в инфополе – ты не поверишь – известный «лингвист», автор работы «Марксизм и вопросы языкознания» Иосиф Виссарионович Сталин. Правда, этот товарищ не очень любил дискутировать.

Есть легенда, что 6 декабря 1942 года отцу нации принесли документы о присвоении нескольким офицерам генеральского звания. Речь шла о повышении Огнёва, а в бумагах фигурировал Огнев. Сталин якобы сильно возмутился и лично поставил две точки над буквой Е.

На следующий день в газете «Правда» последовали примеру вождя – буква Ё была на каждой странице. А через пару недель ребята из Наркомпроса выпустили декрет об обязательном употреблении этой буквы в школьных учебниках.

После XX съезда началась реабилитация жертв репрессий, а реабилитация буквы Ё закончилась. Её отменили вместе с другими сталинскими декретами. Остались только три рекомендации, актуальные и по сей день. Использовать букву Ё следует:

1. в словах, где она влияет на смысл: *совершённый* и *совершенный*;
2. в малоизвестных словах с неочевидным произношением: *река Олёкма*;
3. в словарях, орфографических справочниках и книгах для детей младшего школьного возраста.

Именно поэтому большинство текстов, по которым учились мы и наши родители, напечатаны без буквы Ё. Отношение к букве факультативное: можно писать, а можно забыть болт.

Почему же Ё в итоге не прижилась? За 200 с лишним лет так до конца и не определились, что с ней делать. Сначала был звук, но не было буквы. Потом буква появилась, но полвека была в подполье. Когда её добавили в словарь, начались споры. Почти через 150 лет признали на государственном уровне, но ещё через 14 лет оставили факультативной.

Мы считаем, что пора сделать букву Ё обязательной на всех уровнях. Чтобы всякие Огнёвы и Алёхины перестали страдать из-за бюрократии и зваться Огневыми и Алехиными, только потому что так решила Тамара Никитична из паспортного стола.

В словарях сплошные ошибки! Кому верить?

Велик соблазн сказать: «*Верь “Дерзкому репетитору”, читатель!*» Но это был бы плохой совет. Мы не ходячие словари и сами совершаем ошибки. Но знаем, как их обнаружить и исправить. Давай разбираться по порядку.

Мы уже говорили, что лингвисты не выдумывают правила, а лишь наблюдают за языком и фиксируют свои наблюдения.

Лексикографы (специалисты, составляющие словари) создают картотеку примеров употребления слова или словосочетания и на основе этой информации определяют, что записывать в словарь. Они анализируют сайты, соцсети, газеты, журналы, современную литературу. Сейчас этот процесс автоматизирован и чаще всего для сбора материала используют программы и скрипты. Но некоторые лексикографы старой школы до сих пор перелопачивают источники вручную, пишут карточки и складывают их в специальные каталожные ящики – почти как Владимир Даль делал это в XIX веке.

Почему учёные не записывают в словари только грамотные варианты?

Так же как биолог не может сказать: «*Что-то мне не нравится это растение, пожалуй, сделаю вид, что его не существует*», лексикограф не может сказать: «*Фу, какое мерзкое слово, не будем включать его в словарь!*»

Некоторых людей это расстраивает. Мол, уважаемые лингвисты, хватит потакать невеждам! Но мы уже говорили, что лингвисты не выдумывают правила, а фиксируют реальность. Если бы лингвисты изобретали нормы или выбирали их на свой вкус, словари существовали бы в параллельной реальности от настоящей языковой практики.

Только представь. Множество людей говорит *меховой тапок*, а лингвисты им в ответ: «*Ничего не видим, ничего не слышим, правильно – “меховая тапка”!*» Что произойдёт в таком случае? Люди будут говорить как привыкли, а не как написано в словарях. Большинство слов мы усваиваем в быту, услышав их от знакомых, в фильмах, песнях. Школьные учителя и университетские преподаватели влияют на нас, но не могут заставить говорить на 100 % грамотно. Не тапками же нерадивых учеников бить!

Хм. А можно парочку примеров?

Можно даже больше.

Скажем, в «Орфоэпическом словаре» Рубена Аванесова рядом со словом *шарф* указаны две формы множественного числа: **ша́рфы** (правильное) и **шарфы́** (не рекомендуется).

Думаем, что Аванесов, как человек грамотный и любящий язык, не был в большом восторге от *шарфов*, но не упомянуть их он не мог, потому что многие люди так говорят.

Ещё один характерный пример – слова **баннер**, **доллар** и **Твиттер**. Если бы лингвисты не стремились отразить реальное положение дел, а записывали слова так, как нужно по правилам, со страниц словарей на нас смотрели бы **банер**, **долар** и **Твитер**.

Дела таковы. Обычно в заимствованных словах пропускаются удвоенные согласные: *свитер*, *фитнес*, *шопинг*, *шопер*, *блогер*, *рэпер*, *спамер*, *сканер*.

Но с современными заимствованиями это правило всё чаще нарушается. Если у нового слова уже есть в русском языке однокоренное заимствование с одной буквой, то и в новом слове будет одна буква. Например, в слове **рэп** одна П, поэтому и в слове **рэпер** будет одна, хотя в английском пишется **rapper**. Та же история со спамером и сканером.

Но у **баннера**, **доллара** и **Твиттера** никаких однокоренных заимствований с одной согласной не было, и они вошли в наш язык в том же виде, в каком появились в английском. Как бы лингвистам ни хотелось упорядочить термины и писать всё единообразно (то есть без удвоенных согласных), они не могут пойти против языковой тенденции.

По той же причине в словарях встречается двойная норма. Если слова с одинаковой частотой появляются в речи носителей и при этом не нарушают правила, словари указывают их как равноправные:

- *тоннель* и *туннель*;
- *петербургский* и *петербуржский*;
- *ноль* и *нуль*;
- *наверно* и *наверное*;
- *двусторонний* и *двухсторонний*.

Обычно со временем один из вариантов одерживает верх, и второе слово указывается в словаре как устаревшее, а затем и вовсе пропадает. Так произошло с **йогуртом**. В русский язык это слово вошло с ударением на первый слог, затем **йбгурт** и **йогурт** стали равноправными, но в наше время второй вариант считается устаревшим и многие орфоэпические словари его уже не указывают.

Мы уверены, что со временем то же самое произойдёт с *тапкой*. Сейчас большинство словарей признаёт только женский род этого слова, но люди чаще произносят его в мужском. Вероятно, скоро *тапок* появится в словарях как разговорная версия, затем как допустимая, а там и до общеупотребительной недалеко.

Зачем тогда вообще нужны словари, если они ничего не решают, только фиксируют?

То, что стопроцентная грамотность недостижима, не означает, что словари и справочники надо совсем отменить. Мы уже говорили, что язык развивается и меняется. Словари помогают держать эти изменения в рамках, отслеживать и контролировать. Не будь их, мы погрузились бы в хаос.

Можно привести такую аналогию. Дачник, который посадил картошку, надеется на хороший урожай. Идеально, когда картошка среднего размера, ровная, овальной формы. Мы бы хотели, чтобы всегда было так.

Но рост картошки невозможно контролировать. Часть вырастает слишком крупной, часть – мелкой, часть – невероятной извилистой формы. И всё же каждый год дачник сажает картошку в одно время. Удобрят землю, делает лунку, кладёт картофелину ростками вниз, ждёт всходов, окучивает, опрыскивает от вредителей и так далее.

Если не сделать этого, а просто разбросать картошку в чистом поле, урожай будет ещё хуже. А главная цель дачника – не получить идеальную картошку, а приготовить пюрешку с котлеткой. Так и главная цель носителей языка – не получить совершенную систему правил, а ясно выражать свои мысли и понимать других.

Хм, но, если лингвисты такие непредвзятые, почему новые слова попадают в словари так медленно?

Фиксация слова в словаре – это всё равно что получение гражданства для иностранца. Сначала оно должно обжиться в языке, стать своим, обрести закономерности в написании и произношении. Иначе как убедиться, что новое слово с нами надолго, а не на пару месяцев?

Например, ещё несколько лет назад лингвисты спорили, какое обозначение телефона одержит верх в языке: *сотовый* или *мобильный*. Пока оба этих слова ещё понятны нам, но тенденция уже наметилась, и, скорее всего, *сотовый* со временем уйдёт в прошлое.

Сотовый	Мобильный
8 миллионов результатов в поисковой выдаче Яндекс	24 миллиона результатов в поисковой выдаче Яндекс
44 миллиона результатов в поисковой выдаче Гугла	73 миллиона результатов в поисковой выдаче Гугла

И всё же словари не такие отстающие от реальности, как нам часто кажется. Главное – взять в руки правильный. Если купите очередное переиздание Ожегова, не удивляйтесь архаичности лексики. А если достанете с полки 4-е издание «Русского орфографического словаря» Российской академии наук, то найдёте там *Твиттер*, *торрент*, *смартфон*, *спам*, *стрит-арт* и прочие современные слова. Кстати, они появились в словаре ещё в 2012 году.

Быстрее всего новые слова попадают в словари неологизмов, а с самыми большими задержками – в толковые. Но многое зависит от инициативы составителей. Нет единого правила, которое помогает понять, что слово прошло проверку временем и его можно включать в словарь. Это решение за лексикографами.

С распространением интернета фиксация слов в словарях пошла быстрее. Вот любопытный пример.

В 2014 году Артемий Лебедев написал у себя в ЖЖ гневный пост о том, что словари до сих пор не знают слова стейк. Специалисты «Грамоты. ру» заметили этот пост, написали главному редактору «Большого толкового словаря», и он включил в него стейк.

А что, так можно было?!

Да, ребята из «Грамоты. ру» сотрудничают с авторами современных словарей и обещают быть своего рода посредниками между лексикографами и носителями языка. Так что, если ты считаешь, что какому-то общеизвестному термину давно пора появиться в словаре, можешь написать об этом сотрудникам портала. Есть вероятность, что составители словарей прислушаются к твоему совету.

Словарей много. Как понять, каким можно доверять?

Есть несколько базовых правил, которые помогут тебе выбрать словарь.

Во-первых, смотри, кто издатель. Хорошо, если словарь подготовлен одним из академических институтов РАН, например Институтом русского языка или Институтом лингвистических исследований. Крупным профильным издательствам и сериям, например «Словари XXI века» или «Библиотека словарей ЭКСМО», доверия больше, чем маленьким региональным.

Во-вторых, попытайся раскопать информацию о составителях. Ориентируйся не только на образование и профессиональные достижения авторов, но и на годы жизни. Например, в словарях Дмитрия Ушакова (1873–1942 годы) и Сергея Ожегова (1900–1964 годы) не стоит ждать отражения современных норм, даже если недобросовестное издательство выпустило словарь всего пару лет назад и написало на обложке: *современный*.

Заклинаем тебя: никогда (слышишь? Никогда!) не проверяй значение слов по толковому словарю Владимира Даля. При всём уважении к этому учёному, он жил и работал в XIX веке, и данные его словаря к нашему времени уже устарели.

В-третьих, разделяй и властвуй. У каждого словаря есть свой профиль, это нужно учитывать. Значение слова проверяй по толковому словарю. Происхождение – по этимологическому. Написание – по орфографическому. Произношение – по орфоэпическому.

Если вдруг толковый и орфоэпический словари дают разные нормы произношения, доверять следует орфоэпическому, потому что его составители фокусировались именно на нормах произношения, а составители толкового словаря могли это упустить.

Наш корректор Лена просит обратить на следующий пример особое внимание, поскольку часто сталкивается в работе с такой ошибкой. Например, орфографический словарь говорит **Хёллоун**, словарь имён собственных – **Хэллоун**, а толковый словарь – вообще **Хэллбуин**, с ударением на второй слог. Что делаем? Проверяем значение по толковому, правописание – по орфографическому, ударение – по словарю имён собственных (пока в словари ударений *Хёллоун* ещё не завезли).

А можно мне парочку конкретных рекомендаций?

В России много хороших словарей. Не нужно думать, что среди них есть самые правильные и самые надёжные. Но мы перечислим несколько, которыми сами пользуемся чаще всего.

4-е издание «Русского орфографического словаря» Российской академии наук. Это самый большой орфографический словарь русского языка: в нём 200 тысяч слов. По объёму с ним может сравниться только словарь Даля. Но тот, во-первых, толковый, а во-вторых, содержит много устаревших слов, а многие современные в него не входят. А вот «Русский орфографический словарь» регулярно обновляется и отражает лексику в актуальном состоянии.

«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией Сергея Кузнецова. Это тот самый словарь, куда из-за поста Артемия Лебедева попал *стейк*.

«Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имён» Майи Зарвы. Идеальный словарь для тех, кто не любит вариативные нормы. Тут не бывает разнобоя: среди всех вариантов ударения для каждого слова указан только один, наиболее распространенный в современной языковой практике. Увы, жаргона и сленга в словаре Зарвы не найдёшь, и это объ-

яснимо. Словарь предназначается в первую очередь работникам радио и телевидения, поэтому отражает только нормы литературного языка.

«Справочник по правописанию и литературной правке» Дитмара Розенталя. Многие правила, которые вошли в третью и четвёртую главы этой книги, мы учили именно по Розенталю. Но рассказали их по возможности проще и с современными примерами.

Если к этому моменту ты представляешь, как мы барахтаемся среди горы бумажных книг и чихаем от пыли, то это не так. Если нужного фолианта нет под рукой, можно зайти на портал «Грамота. ру» и вбить спорное слово в поисковую строку в разделе «Словари». Так мы и делаем прямо сейчас, собирая примеры для этой главы.

Но если хочешь проверить правописание, лучше воспользуйся поиском на портале «Академос». Там всегда самые актуальные обновления орфографического словаря.

Может, вы ещё феминитивы оправдаете?

Ты наверняка и без нас это знаешь, но на всякий случай напомним, чтобы внести ясность. Феминитивы – это существительные, которыми обозначают женщин. Часто феминитивы образованы от однокоренных существительных мужского рода. Некоторые феминитивы «легитимны» и не вызывают вопросов в обществе: *волчица, учительница, журналистка*.

Другие, наоборот, способны разжечь такой бурный спор, что содержание текста отодвинется на второй план. Например: *блогерка, авторка, редакторка*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.